

П Е Р В А Я

Л Е К Ц И Я

В В Е Д Е Н И Е

Уважаемые дамы и господа! Я не знаю, как много отдельные из вас знают из прочитанного или понаслышке о психоанализе. Однако буквальное заявленное мною название — «Элементарное введение в психоанализ» — обязывает меня обращаться с вами так, как если бы вы вообще ничего не знали и нуждались в первых наставлениях. Но, насколько я вправе предположить, вам известно, что психоанализ — это метод лечения нервных больных, и я тут же могу привести вам пример того, что в этой области кое-что делается по-другому, зачастую прямо-таки в противоположность тому, что принято в медицине. Обычно, когда больного начинают лечить с помощью нового врачебного метода, то, как правило, стараются принизить перед ним трудности этого метода и дают ему обнадеживающие обещания по поводу успеха лечения. Я думаю, что мы так поступаем правильно, ибо подобным образом действий повышаем вероятность успеха. Но если мы беремся за психоаналитическое лечение невротика, то ведем себя по-другому. Мы указываем ему на трудности метода, его длительность, большие усилия и жертвы, которых он потребует, что же касается успеха, то говорим, что не можем ему с полной уверенностью его обещать, этот успех будет зависеть от его поведения, его понимания, его уступчивости, его выдержки. Разумеется, у нас есть веские

основания для такого внешне совершенно противоположного поведения, которые, возможно, чуть позже вам станут понятными.

Нужно признать, что данное предостережение справедливо фактически для всех психоаналитических и психотерапевтических методов. Клиническая практика показывает, что пациенты с острой или тяжелой симптоматикой (депрессия, психоз) на острых стадиях болезни могут весьма плохо реагировать на психологические методы помощи в силу непонимания, критики и нарушения восприятия. С момента зарождения психоанализ часто подвергался жесткой критике и нередко обвинялся в шарлатанстве из-за отсутствия быстрого и явного результата. Но специфика психиатрических расстройств в том и заключается, что результат требует длительного и повторного воздействия, будь то терапия словом, делом или таблеткой. И тем не менее на сегодняшний день является абсолютно бесспорным тот факт, что психологические методы играют важную, а порой незаменимую роль в клинической практике.

Не сердитесь, если на первых порах я буду вести себя с вами так, как с этими невротическими больными. Собственно говоря, я бы и не советовал вам приходить во второй раз меня слушать. С этой целью я расскажу вам, какие несовершенства неизбежно связаны с преподаванием психоанализа и какие трудности противостоят обретению собственного суждения. Я вам покажу, почему все ваше прежнее образование и все привычки вашего мышления должны неизбежно сделать вас противниками психоанализа и в какой мере вам потребовалось бы их преодолеть, чтобы справиться с этой инстинктивной неприязнью. Конечно, я не могу заранее вам сказать, насколько

вам станет понятным из моих сообщений психоанализ, но могу обещать, что, прослушав их, проводить психоаналитическое исследование или лечение вы не научитесь. Но даже если бы я нашел среди вас того, кто не удовлетворился беглым знакомством с психоанализом и захотел бы вступить с ним в длительные отношения, то я не только не стал бы этого советовать, но и напрямую его бы предостерег. В соответствии с тем, как обстоит дело сегодня, избрав такую профессию, он лишил бы себя всякой возможности добиться успеха в университете, а если он вступает в жизнь в качестве практикующего врача, то он окажется в обществе, которое не поймет его устремлений, будет смотреть на него враждебно и с недоверием и натравит на него всех затаившихся в нем злых духов. Наверное, как раз из явлений, которыми сопровождается свирепствующая сегодня в Европе война, вы сможете приблизительно оценить, сколько может быть таких легионов.

Впрочем, существует довольно много людей, для которых все, что может стать новой частицей знания, сохраняет свою привлекательность, несмотря на подобные неудобства. Если же некоторые из вас относятся к этой категории и, пренебрегши моими отговорами, в следующий раз они здесь снова появятся, то я буду рад их приветствовать. Но все вы имеете право узнать, в чем состоят указанные трудности психоанализа. Прежде всего — это трудность преподавания психоанализа, обучения ему. Во время занятий по медицине вас приучили видеть, вы видите анатомический препарат, осадок при химической реакции, сокращение мышцы как результат раздражения ее нервов. Позднее вашим органам чувств показывают больного, симптомы его недуга, продукты болезненного процесса, более того, в многочисленных случаях — возбудителя болезни в изолированном

состоянии. В хирургических специальностях вы становитесь свидетелями вмешательств, благодаря которым больному оказывают помощь, и вы сами можете попробовать это осуществить. Даже в психиатрии перед вами проводят демонстрацию больного, вы наблюдаете его изменившуюся мимику, его манеру говорить и его поведение, что производит на вас глубокое впечатление. Таким образом, преподаватель медицины выступает преимущественно в роли экскурсовода и комментатора, который сопровождает вас по музею, в то время как вы вступаете в непосредственную связь с объектами и благодаря собственному восприятию убеждаетесь в существовании новых фактов. К сожалению, совершенно иначе обстоит дело в психоанализе. В аналитическом лечении не происходит ничего иного, кроме обмена словами между анализируемым и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и эмоциональных побуждениях. Врач слушает, пытается управлять ходом мыслей пациента, увещевает, определенным образом направляет его внимание, дает ему разъяснения и наблюдает реакции понимания или отвержения, которые он вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных — которым импонирует только явное и осязаемое, а больше всего действия, подобные тем, которые можно увидеть в кинотеатре, — никогда также не упустят случая поделиться своими сомнениями: «Разве это возможно — простыми разговорами сделать что-то с болезнью?» Разумеется, эта мысль столь же недальновидна, как и непоследовательна. Ведь это те же самые люди, которые определенно знают, что больные «просто воображают» свои симптомы. Первоначально слова были магией, и слово еще и сегодня сохранило очень многое от своей былой чудодейственной

силы. Словами один человек может осчастливить другого или повергнуть его в отчаяние, с помощью слов учитель переносит свое знание на учеников, словами оратор увлекает за собой собрание слушателей и определяет их суждения и решения. Слова вызывают аффекты и являются общим средством людей влиять друг на друга.

Аффект (лат. *affectus* – страсть, душевное волнение) – эмоциональный процесс взрывного типа, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, сопровождающийся резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов. Аффекты отличают от эмоций, чувств и настроений. Аффект, как и любой другой эмоциональный процесс, представляет собой психофизиологический процесс внутренней регуляции деятельности и отражает бессознательную субъективную оценку текущей ситуации.

Не будем поэтому пренебрежительно относиться к использованию слов в психотерапии и будем довольны, если сможем услышать слова, которыми обмениваются аналитик и его пациент. Но и этого мы сделать не можем. Разговор, в котором состоит психоаналитическое лечение, не допускает присутствия слушателей; его нельзя продемонстрировать. Конечно, неврастеника или истерика можно представить учащимся во время психиатрической лекции. Тот расскажет о своих жалобах и симптомах, но ни о чем другом. Сообщения, которые требуются анализу, он сделает лишь при условии особой эмоциональной связи с врачом; он тут же замолкнет, как только заметит одного-единственного индифферентного ему наблюдателя. Ибо эти сообщения затрагивают самое сокровенное в его душевной жизни, все то, что он как социально самостоятельный

человек должен скрывать от других, а в дальнейшем — все то, в чем он как целостная личность не хочет признаться себе самому. Поэтому вы не можете непосредственно слышать, как проводится психоаналитическое лечение. Вы можете только услышать о нем и познакомиться с психоанализом в строгом значении слова лишь понаслышке. Вследствие такой информации, полученной, так сказать, из вторых рук, вы оказываетесь в совершенно непривычных условиях для формирования собственного суждения. Очевидно, что очень многое зависит от того, насколько вы можете доверять человеку, который об этом рассказывает. Представьте теперь себе, что вы пришли на лекцию не по психиатрии, а по истории, и выступающий рассказал вам о жизни и ратных подвигах Александра Великого.

Речь идет об Александре Македонском, полководце, создателе мировой державы, распавшейся после его смерти. В западной историографии более известен как Александр Великий.

Битва при Иссе (333 до н.э.), о которой речь пойдет ниже, состоялась между македонской армией Александра Великого и персидским войском царя Дария в Киликии (Малая Азия). После победы при Иссе Александр покорил все восточное побережье Средиземного моря, включая Финикию, Палестину и Египет.

Выбор Македонского для примера обособлен, скорее всего, его масштабностью в истории и личной симпатией Фрейда. В детстве Фрейд грезил древними полководцами, мечтая стать великим, как они. На семейном совете, когда принималось решение, как назвать младшего мальчика, прошло предложение Зигмунда дать брату имя Александр, но прежде ему потребовалось подробно пересказать всю историю великих побед Александра Македонского, описывая его щедрость и воинские доблести.

Какие были бы у вас мотивы верить в правдоподобие его сообщений? Вначале дело, похоже, обстоит еще более неблагоприятно, чем в случае психоанализа, ибо профессор истории столь же мало был участником военных походов Александра, как и вы; психоаналитик же, по крайней мере, рассказывает вам о вещах, в которых он сам играл некую роль. Но затем наступает черед того, что заставляет вас поверить историку. Он может отослать вас к сообщениям древних писателей, которые либо сами жили в то время, либо хотя бы ближе находились к данным событиям, то есть к книгам Диодора, Плутарха, Арриана и др.; он может представить вам изображения сохранившихся монет и статуй царя и пустить по рядам фотографию помпейской мозаики битвы при Иссе. Строго говоря, все эти документы доказывают лишь то, что уже более ранние поколения верили в существование Александра и в реальность его дел, и вы снова могли бы выразить здесь свою критику. Затем вы обнаружите, что не всё, что рассказывалось об Александре, правдоподобно или детально установлено, но я все же не могу допустить, что вы покинете лекционный зал, сомневаясь в реальности Александра Великого. Ваше решение будет определяться главным образом двумя рассуждениями: во-первых, что у выступающего, скорее всего, нет мотива выдавать вам за реальное нечто, во что он и сам не верит, и, во-вторых, что все доступные книги по истории изображают события примерно одинаково. Если затем вы приступите к проверке более древних источников, вы будете принимать во внимание те же моменты — возможные мотивы авторитетных лиц и согласованность между собой свидетельств. В случае Александра результат проверки наверняка окажется успокоительным, но, вероятно, он будет иным, если речь пойдет о таких личностях, как Моисей или Нимрод. Но сколько у вас может возникнуть сомнений

в правдивости докладчика-психоаналитика, вам станет вполне понятно в дальнейшем. Тут вы будете вправе задать вопрос: «Если в психоанализе не существует объективных свидетельств и нет возможности их продемонстрировать, как можно вообще изучить психоанализ и убедиться в истинности его утверждений?» Изучать психоанализ и в самом деле непросто, и не так много людей по-настоящему его изучили, но, разумеется, приемлемый путь все-таки существует. Психоанализ изучают прежде всего на самом себе, через исследование собственной личности. Это не совсем то, что называют самонаблюдением, но в крайнем случае можно назвать и так. Существует целый ряд очень часто встречающихся и очень известных душевных феноменов, которые сами по себе после некоторого обучения технике можно сделать предметом анализа. При этом приобретается искомая убежденность в реальности процессов, которые описывает психоанализ, и в правильности его трактовок. Однако успехи на этом пути имеют определенные рамки. Намного дальше удастся пройти, если позволяешь проанализировать самого себя опытному аналитику, переживаешь на собственном Я воздействие анализа и при этом используешь возможность перенять у другого более тонкую технику *метода*.

Здесь Фрейд отсылает к своему опыту самоанализа. Во время зарождения психоанализа и его ответвлений Фрейд был первым и единственным, кто подверг себя самоанализу, никто из его учеников и критиков на такое не решился. Фрейд нередко им это напоминал во время их нападков в свой адрес, намекая, небезосновательно, что имеется огромная пропасть в понимании психоанализа между теоретиками и практиками. Именно самоанализ, по убежденности Фрейда, наделяет психоаналитика верным пониманием и отточенностью методов.

Разумеется, этот превосходный способ доступен всегда только отдельному человеку, но никогда — всему курсу. Во второй трудности вашего отношения к психоанализу я уже не могу винить последний, а должен возложить ответственность на вас самих, уважаемые слушатели, во всяком случае, на ваши прежние занятия медициной. Ваше первоначальное образование задало определенное направление вашей мыслительной деятельности, которое далеко отходит от психоанализа. Вы приучены анатомически обосновывать функции организма и их нарушения, химически и физически их объяснять и биологически понимать, но ни малейшая часть вашего интереса не была направлена на психическую жизнь, в которой, однако, достигает вершины деятельность этого удивительно сложного организма. Поэтому психологический образ мышления остался для вас чуждым, и вы привыкли относиться к таковому с недоверием, оспаривать у него характер научности и оставлять его дилетантам, поэтам, натурфилософам и мистикам. Несомненно, это ограничение наносит вред вашей врачебной деятельности, ибо вначале больной, как это обычно бывает во всех человеческих отношениях, будет показывать вам свой душевный фасад, и я опасаюсь, что в качестве наказания часть терапевтического влияния, к которому вы стремитесь, достанется столь презируемым вами врачам-дилетантам, знахарям и мистикам. Я понимаю, чем можно оправдать этот недостаток вашего образования. Отсутствует философская вспомогательная наука, которая могла бы оказаться полезной для достижения ваших врачебных намерений. Ни спекулятивная философия, ни дескриптивная психология или опирающаяся на физиологию органов чувств так называемая экспериментальная психология, которые изучаются в школах, не способны сообщить вам что-либо

пригодное об отношении между телесным и душевным и дать вам в руки ключ к пониманию возможного нарушения душевных функций.

Дескриптивная психология (от англ. descriptive – описательный, наглядный и греч. psyche – душа + logos – учение) – ряд направлений объяснительной психологии. В противоположность экспериментальной психологии, здесь делалась попытка описать и понять психологические феномены сами по себе, не редуцируя их к внепсихологическим явлениям.

Экспериментальная психология – общее обозначение всех видов научно-психологических исследований, осуществляемых посредством различных экспериментальных методов.

Правда, в медицине психиатрия занимается описанием наблюдаемых душевных расстройств и составлением клинических картин болезни, однако время от времени сами психиатры сомневаются в том, заслуживают ли их чисто описательные построения именоваться наукой. Симптомы, которые составляют эти картины болезни, по своему происхождению, своему механизму и своей взаимосвязи неизвестны; им либо вообще не соответствуют какие-либо доказуемые изменения анатомического органа души, либо эти изменения таковы, что в них нельзя найти объяснения. Эти душевные нарушения доступны терапевтическому влиянию только тогда, когда их удастся признать побочными действиями какого-то иного органического поражения. Здесь существует пробел, который стремится восполнить психоанализ. Он хочет дать психиатрии недостающую психологическую основу, он надеется найти общее основание, исходя из которого станет понятным сочетание телесных и душевных расстройств. Для этой цели он должен избавиться от

любой чуждой ему предпосылки анатомического, химического или физиологического характера, работать исключительно с чисто психологическими вспомогательными понятиями, и именно поэтому, как я опасаюсь, в настоящий момент он покажется вам чужеродным. К следующей трудности я не хочу делать причастным вас, ваше первоначальное образование или установку. Двумя своими положениями психоанализ оскорбляет весь мир и навлекает на себя его отвержение; одно из них наталкивается на интеллектуальное, а другое — на эстетико-моральное предубеждение. Нам не стоит недооценивать эти предубеждения; это могущественные вещи, осадки полезного, более того, вынужденного развития человечества. Они поддерживаются аффективными силами, и бороться с ними трудно. Первое из этих неприятных утверждений психоанализа гласит, что сами по себе душевные процессы бессознательны, а сознательны лишь отдельные акты и компоненты душевной жизни в целом.

Бессознательное — совокупность психических процессов и явлений, не входящих в сферу сознания субъекта (человека), т.е. в отношении которых отсутствует контроль сознания.

Сознательное же — это отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта, т.е. отражение, выделяющее ее объективные устойчивые свойства. В психологии бессознательное обычно противопоставляется сознательному, однако в рамках психоанализа бессознательное и сознательное рассматриваются как понятия разного уровня: многое из того, что относится к двум другим структурам психики (Я и Сверх-Я), также отсутствует в сознании.

Вспомните, что мы, напротив, приучены отождествлять психическое и сознательное. Сознание считается

нами прямо-таки определяющей характеристикой психического, а психология — учением о содержаниях сознания. Более того, это приравнивание кажется нам настолько само собой разумеющимся, что возражение против него воспринимается нами как явная бессмыслица, и все же психоанализ не может не выдвинуть этого возражения и не может признать тождество сознательного и душевного. Его определение душевного гласит, что последнее — это некие процессы чувствования, мышления и желания, и психоанализ призван отстаивать наличие бессознательного мышления и бессознательного желания. Но тем самым он сразу теряет симпатию всех друзей рассудочной научности и навлекает на себя подозрение в том, что является фантастическим тайным учением, которому хочется бродить в потемках, ловить рыбу в мутной воде. Но, уважаемые слушатели, разумеется, вы не можете пока понять, с каким правом я могу отнести столь абстрактный по своему характеру тезис, как: «Душевное — это сознательное» к предубеждениям, не можете также догадаться, к чему может привести отрицание бессознательного, если таковое должно существовать, и какая выгода получалась при таком отрицании. Наверное, это выглядит как пустой словесный спор, можно ли приравнивать психическое к сознанию или оно должно выходить за него, и все же я могу вас уверить, что с признанием наличия бессознательных душевных процессов открывается путь к важнейшей переориентации в мире и в науке. Точно так же вы едва ли догадываетесь, насколько тесно это первое смелое утверждение психоанализа связано со вторым, которое теперь нужно будет упомянуть. Итак, этот другой тезис, который психоанализ заявляет в качестве одного из своих результатов, содержит утверждение, что импульсы влечения, которые можно обозначить лишь как сексуальные в узком, равно как и в широком

смысле, играют необычайно важную и никогда раньше не получавшую должной оценки роль в возникновении нервных и душевных болезней. Более того, что эти же сексуальные побуждения вносят вклад, который нельзя недооценивать, в наивысшие культурные, художественные и социальные творения человеческого духа.

Влечение — одно из центральных понятий теории психоанализа (в составе так называемой теории драйвов). Это — стремление к удовлетворению неосознанной или слабо осознанной потребности и потому первоисточник любого психического движения и поведения. При этом недостаточность сознательного контроля обусловлена тем, что осознание связи предмета и эмоционального отклика на него подвергается «цензуре» по критерию соответствия образу «Я», что может включать механизмы психологической защиты (адаптации). Согласно Фрейду, влечение происходит из внутренних источников раздражения, оно создает психологическое напряжение, которое и действует как сила, ориентированная на устранение источника возбуждения; потому это понятие служит для отграничения душевного от телесного.

Предложенная Фрейдом сначала в виде догадки, а позже сформированная им как фундаментальная концепция, теория о бессознательной, тайной стороне человеческой психики, которая, по сути, является причиной всех человеческих мотивов, желаний, фантазий и поступков, несомненно стала его величайшим, революционным открытием. Однако одна из претензий к Фрейду со стороны последователей, критиков и ненавистников заключается в его якобы примитивном сведении всех психических процессов и нарушений к сексуальным влечениям. Такая трактовка теории Фрейда крайне односторонняя. Фрейд действительно придавал сексуальной энергии ведущую роль в жизни человека,